

УДК 008(091)
ББК 71.1

Т.Ю. ЗИМА

ТОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН СИБИРИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Рассматривается Томское отделение Императорского Русского музыкального общества как явление, феноменальное на культурном поле всего сибирского региона, и вскрываются причины его успешности среди подобных в исторический период последней четверти XIX — начала XX века.

Ключевые слова: Томское отделение Императорского Русского музыкального общества, социокультурный феномен, сибирский регион, первый университетский город Сибири, конец XIX — начало XX века.

Последнее двадцатилетие постсоветская культурология пытается восполнить возникший в XX веке пробел в истории отечественной музыкальной культуры, связанный с «царским детищем», коим было Императорское Русское музыкальное общество (ИРМО). Это уникальное явление российского социума возникло на пороге великих реформ XIX столетия (в 1859 году) и к началу XX века «проросло» десятками своих отделений по стране. В пореформенный период ИРМО занимало прочное и в некотором смысле особое место в ряду всевозможных просветительских обществ России. Долгое время Томское отделение ИРМО оставалось единственной хорошо отлаженной просветительно-образовательной системой на территории огромной империи — от Варшавы до Владивостока и от Кронштадта до Астрахани.

С разным временным отставанием от столичных ИРМО создавались провинциальные отделения. Как правило, они удачно встраивались в систему ценностных координат местной культуры, становясь очагами музыкального просвещения и профессионального образования, решая сложнейшую задачу воспитания у населения вкуса к классической музыке и подготовки музыканта-профессионала. В 1870-е годы «это веяние» дошло до Сибири, и прежде всего до такой ее глубинки как Нерчинск. Здесь в 1874—1875 годах открылось первое в Зауралье отделение Императорского¹ Русского музыкального общества.

Вслед за этим западносибирские меломаны в Омске, Тобольске и Томске получили из Главной Дирекции ИРМО ответы о положительном решении вопроса об учреждении в их городах отделений. Произошло это соответственно в 1876, 1878 и 1879 годах [1]. Лишь в начале XX века стало возможным открыть подобное отделение в Иркутске (1901) и только в 1909 году во Владивостоке (в год полувекового(!) юбилея головного — Петербургского).

В целом, без малого за шесть десятилетий существования Русского музыкального общества только шесть его отделений функционировало на огромной территории от Урала до Тихого океана. А всего к 1917 году их по стране насчитывалось более 50, но в это число из сибирских уже не входили Нерчинское (прекратило свою деятельность в 1880-х годах) и Иркутское (закрылось в канун Первой мировой войны). Надо заметить, что практика закрытия по разным причинам отделений ИРМО рассматривалась как объективная необходимость и сказывалась отрицательно лишь на местной музыкальной жизни, но никак не на всей разветвленной структуре ИРМО. Ее основы оказались столь неколебимы (в частности, образовательный сегмент), что они сохранились (правда, в ряде случаев несколько модифицированными) даже в процессе революционных преобразований российского жизнеустройства после 1917 года.

Деятельность отделений ИРМО, конечно, влияла на положительное изменение культурной среды той или иной местности. Тут, как говорится, нет вопросов. Но что способствовало их учреждению, развитию и ликвидации? Насколько зрелым был «социальный заказ» на появление такой формы бытования музыки в культурном пространстве конкретного сибирского ареала? Почему омское музыкальное общество выгодно отличалось от таких же, имевшихся в данном регионе? Вот тут — вопросы. Среди ответов на них наиважнейшими можно определить «человеческий фактор» и «социальную специфику» той или иной агломерации. Финансовая составляющая — лишь на третьем месте. Именно такая «триада»: *носитель* идеи — социальная *среда* с ее духовными потребностями — *средства* воплощения идеи в реальность = залог успешности всякого начинания; в данном случае — создания отделения ИРМО и его «живучести». Любое отклонение в содержании хоть одной составляющей этой формулы — губительно для всего дела. Данная сентенция легко доказуема конкретными примерами.

¹ Этот статус был получен вместе с новым Уставом в 1873 году (!), а не в 1869, как ошибочно указано в советской «Музыкальной энциклопедии» (Т. 4, с. 795). Ошибка эта продолжает и по сей день то и дело присутствовать в исследованиях, посвященных данной тематике.

Первый — Нерчинск, в XIX веке считавшийся культурной столицей Забайкалья, в особенности во времена господства там купеческих династий Кандинских, Бутиных и других. Имя золотопромышленника М.Д. Бутина (1835—1907) и роскошь его дворца в «мавританском» стиле упоминаются в воспоминаниях всех, кому довелось в нем побывать (вплоть до цесаревича Николая, будущего императора) и ощутить беспредельное гостеприимство хозяина. Так, например, польский политссылный, врач и зоолог Б. Дыбовский (1833—1930) писал: «Я приехал и остановился перед настоящим дворцом. Во всей Восточной Сибири не было такого прекрасного жилого здания, а также так дорого меблированных салонов, столовой, концертного зала, где стоял большой орган, игравший на многочисленных валах все то, что было прекрасного в музыке, исполняемой оркестром на концертных сценах»².

В особом восторге пребывала в выделенных двух комнатах с балконом на чудесный сад певица Императорских театров Дарья Михайловна Леонова (1835—1896), совершавшая в 1874—1875 годах кругосветное гастрольное турне через Сибирь и Дальний Восток в Китай, Японию, США. В Нерчинске она дала в мае 1875 года четыре концерта с оркестром(!) [3]. Выступления этой «королевы Азучен» перед нерчинской публикой стало грандиозным событием в ряду балов, маскарадов, литературно-музыкальных гостиных, регулярно устраиваемых в стенах диковинного Палаццо (как называл его сам хозяин).

Михаил Дмитриевич Бутин поднялся из приказчиков до купца-миллионщика первой гильдии. Он был блестяще образован, музыку любил настолько, что добился открытия Нерчинского отделения ИРМО с музыкальной школой, «34 ученика оркестрового класса которой за 1876 г. устроили 8 концертов под управлением М.Л. Маурица». Этот удивительный дом, превращенный в модный салон, и «прекрасный оркестр» отмечал в начале 1880-х годов государственный деятель М.Н. Галкин-Враский (1834—1916). Он, бывший саратовский губернатор, а затем член Государственного Совета (1896), оставался до конца дней своих постоянным уполномоченным в Главной Дирекции ИРМО от Саратовского отделения, созданию которого в свое время немало способствовал. Хорошо зная изнутри деятельность организации, находящейся под Августейшим покровительством, и впечатленный в месте каторги и ссылки светской жизнью, Михаил Николаевич не умолчал в путевом дневнике и о существовании в далеком Забайкалье отделения ИРМО [4].

К сожалению, деятельность нерчинского музыкального общества закончилась ровно тогда, когда у братьев Бутиных наступила черная полоса жизни и они были разорены. Это — красноречивый пример того, что в обозначенной выше триаде дал сбой один из компонентов. Конкретная ситуация высветила то обстоятельство, что на такую форму профессиональной музыкальной культуры европейского

типа в Нерчинске реально не было «соцзаказа», а значит, «вживание» данного музыкального новшества в местную социокультурную среду происходило искусственно. Да, имелись деньги, и деньги достаточные для функционирования затратной организации. Да, харизматичная личность — М.Д. Бутин — улавливал новые веяния всюду, где ему доводилось бывать. Но не все они оказывались пригодными для привития на родной почве. В данном случае для нерчинского общества отделение ИРМО оказалось преждевременным, а потому значилось в разряде благих начинаний богатого носителя передовой идеи. После закрытия Нерчинского отделения ИРМО забайкальский социум продолжал оставаться на уровне «музыки повседневности», домашнего музицирования на семейных вечерах да выступлений («по случаю») военного оркестра этого восточного форпоста Российской империи.

Вплоть до начала XX века «не складывался пазл» в Иркутске — столице Восточной Сибири. Социум этого торгово-купеческого города долгие годы довольствовался частными уроками музыки, музыкальной грамотой в Девичьем институте, Учительской и Духовной семинариях, в ряде иных учебных заведений города, а также редкими гастрольными выступлениями знаменитостей подобных Д.М. Леоновой (12 февраля 1875 года состоялся ее первый в этом городе концерт), пианистов Рейзенауэра и Ан. Контского, «короля флейты» Тершака и др. Правда, вопрос об открытии в Иркутске музыкальной школы впервые был поднят на страницах газеты «Сибирь» еще 11 марта 1879 года, но только выпускнику Петербургской консерватории, «свободному художнику» Анатолию Юльевичу Гинита-Пилсудскому удалось лишь в самом конце XIX века открыть здесь свою Частную музыкальную школу [5]. Вскоре начались хлопоты и об учреждении Иркутского отделения ИРМО. На рубеже веков все объективные предпосылки к тому уже имелись: прежде всего, после активного пореформенного переселения сюда инициативных людей из европейской части России, восточносибирский край словно «пробудился к культуре». К тому же, местное купечество со своими капиталами стало более образованным и просвещенным по сравнению с предыдущими поколениями. Кроме того, в российской империи народился совершенно новый класс людей — профессиональные музыканты, для приложения умений которых были открыты все пути. И, наконец, Транссибирская магистраль тоже немало способствовала возникновению «социокультурных заказов». Одним словом, 13 марта 1901 года «Иркутские губернские ведомости» сообщили о разрешении Главной Дирекции ИРМО открыть его отделение в Иркутске. С 1 сентября того же года при нем начали функционировать Музыкальные классы [6; 7], которые не пришлось создавать с нуля, ибо А.Ю. Гинита-Пилсудский в мае все того же года фактически сбежал из города, оставив долги кредиторам и бросил на произвол судьбы свою Частную музыкальную школу. Она-то и стала образовательной составляющей в деятельности новоявленного отделения ИРМО.

² Цит. по: [2, с. 214].

Через 13 лет отделение прекратило свое существование, несмотря на то, что создавалось под эгидой высшей чиновничьей власти в регионе и функционировало благодаря заметным для иркутского общества фигурам — выпускникам Петербургской консерватории пианистке Евгении Григорьевне Городецкой (1865—1940), виолончелисту Адриану Феодосьевичу Вербову (1859—1936), скрипачу Михаилу Николаевичу Синицыну (1874—1962), композитору Рафаилу Александровичу Иванову (1869—1915) и коренным иркутянам — певцу В.И. Лосеву, слепому музыканту В.П. Беляеву, организатору оркестров народных инструментов Е.П. Медведеву, вышедшему на всероссийский уровень пианисту А.Л. Ферштеру и многим другим [8, с. 248—259].

Почему же при наличии в городе столь солидных музыкальных сил Иркутское отделение Императорского Русского музыкального общества 10 сентября 1914 года было ликвидировано? Главная причина, думается, опять та же — сбой в триаде *носитель идеи* — «соцзаказ» — *финансы*. Если в Нерчинске благое начинание целиком и полностью держалось на конкретной личности (носитель идеи) и его финансовых вливаниях при отсутствии потребности социума в данном начинании, то в Иркутске не оказалось по-настоящему энергичной личности, которая смогла бы удержать начатое дело на плаву. Значит, отклонение в первом звене триады повлекло за собой и все остальное. При довольно индифферентном отношении членов Иркутского отделения ИРМО к своему детищу, остыл пыл и у купцов, его субсидирующих. Без материальной поддержки практически невозможно претворение в жизнь даже самой гениальной идеи.

Почему та же Городецкая не «болела всей душой» за жизнеспособность Иркутского отделения ИРМО? Ответ предельно прост: она в 1905 году открыла свою Частную музыкальную школу, которой, естественно, посвящала большую часть времени и сил. Мало того, эта школа по уровню подготовки учащихся вполне могла конкурировать с Музыкальными классами Иркутского отделения ИРМО, которые для Городецкой были, скорее всего, лишь источником дополнительного дохода (как и работа в Девичьем институте, где она преподавала с 1904 года). Схожая ситуация сложилась и с другими выше названными персонами, слывшими в иркутском музыкальном мире известными педагогами и вместе с тем воспитателями слушательской аудитории на концертах Отделения ИРМО, участие в которых помогало им не терять исполнительскую форму и служило некоей отдушиной. Все они не были особо заинтересованы в сохранении Иркутского отделения ИРМО, так как в начале XX века в Иркутске уже не ощущалось острой необходимости в существовании этого «царского детища»; иркутский социокультурный ландшафт был заполнен всевозможными просветительскими обществами с музыкальными отделами. В многочисленных учебных заведениях обязательным курсом образовательных программ был курс обучения музыке (пусть и не профессионального). И уж никак Иркутское отделение ИРМО не могло контролировать выступления многих и многих гастролеров и, тем более, заезжих опере-

точных и оперных антреприз. Такая, в целом благоприятная для музыкального просветительства, ситуация на пороге Первой мировой войны для Иркутского отделения ИРМО осложнялась еще и отказом купцов от его финансирования (Главная Дирекция отпускала сущие копейки). Как видно, в принятой триаде полностью сломался весь механизм — перестали срабатывать все три его компонента.

В другом восточносибирском центре — Красноярске — в это время шли процессы, свойственные западносибирским еще в 1870-х годах. В силу специфики красноярского социума (преимущественно рабоче-железнодорожного) город жил в сложившихся в нем культурных традициях — наряду с достаточно серьезной постановкой музыкально-театрального дела и выступлениями гастролеров-знаменитостей все же превалировала музыка быта: музыкальное любительство, оркестр балалаечников, частное обучение музыке. На этой почве и вызрела тяга к новым формам бытования музыки [9]. Несмотря на то, что в Красноярске были и толстосумы (Гадаловы, Кузнецовы и проч.), и музыкально одаренные люди (И.М. Суходров, М.М. Крамник, П.И. Иванов-Радкевич и др.), дело до открытия здесь отделения ИРМО так и не дошло.

Везде, где могли бы открыться или открывались отделения ИРМО, разными были условия — географические, экономические, бытовые, культуртрадиционные. Поэтому в каждом российском регионе по-разному происходило включение столичного новшества в местную музыкальную жизнь (при одинаковом для всех механизме бюрократической процедуры прохождения учредительной документации). И все-таки это «включение» регулярно случалось — к полувековому юбилею Петербургского ИРМО по всей стране насчитывалось уже более сорока его отделений.

В юбилейном году добавилось еще одно, открытое во Владивостоке. Здесь, в самом отдаленном от российских столиц населенном пункте, специфический приморский уклад жизни в силу исторически сложившейся ситуации наполнялся звучанием корабельных и береговых оркестров [10]. Сюда, с одной стороны, постоянно «завозились» заморские новшества, с другой — из европейской части России «доносились» свежие веяния. Еще в 1873—1884 годах на посту инспектора военно-музыкальных хоров Морского ведомства прогрессивную деятельность вел Н.А. Римский-Корсаков, что в большой степени затронуло оркестры портов Тихого океана [10]. А в 1909 году инициативный местный судья Захарий Петрович Понафидин, меломан и музыкальный подвижник, получил с берегов Невы извещение, означавшее начало «новой эры» в музыкальной жизни Дальнего Востока в целом. Коль такое событие состоялось, значит, все в тот момент сошлось, «пазл сложился». Новое отделение ИРМО вполне успешно функционировало в этом регионе, осуществляя, согласно Уставу этой организации, как образовательную, так и концертно-просветительскую деятельность³. Даже

³ См.: [11; 12; 13].

нелицеприятная история, связанная с именем основателя Владивостокского отделения ИРМО З.П. Понафидина, не завершилась, к удовольствию многих, закрытием отделения. Однако в силу социальных потрясений 1917 года его век оказался недолог (при том, что это отделение продолжало свою деятельность до 1920 года). Еще интереснее то, что покинувшие Отечество русские эмигранты с Дальнего Востока продолжили свою деятельность в Шанхае, создав там Музыкальное общество (подобное Владивостокскому отделению ИРМО). Это можно считать образцовым примером незыблемого правила триады: за рубежом, в вынужденном мини-социуме, где как воздух было необходимо все родное и привычное, *носители* идеи продолжали ее реализацию, изыскивая для этого, определенные материальные *средства*. Музыкальная культура и формы ее существования — одна из основ выживания на чужбине. Отголосок «царского детища» в таком виде тоже помогал выживать.

А в границах молодого советского государства в это время проходили грандиозные преобразования во всех сферах общественного устройства. Всё требовалось «разрушить до основания, а затем...» строить новый мир. В этом новом мире пригодился опыт музыкально-образовательных учебных заведений упраздненного в 1917 году Императорского Русского музыкального общества. Именно поэтому Петербургская, Московская, Саратовская консерватории, а также «до основания не разрушенные» Пензенское, Нижегородское, Тамбовское, Воронежское и другие музыкальные училища отмечали в начале XXI века солидные юбилеи. Среди них 100 лет в 2012 году исполнилось и Томскому, «выросшему» из Музыкальных классов местного отделения ИРМО, которые, в свою очередь, открылись после долгих и упорных забот местных энтузиастов в феврале 1893 года⁴ [14; 1, с. 236; 16]. Тут уместно провести следующее сравнение: в сезон преобразования томских Музыкальных классов ИРМО в Музыкальное училище, то есть в 1911/12 учебном году, Тобольские классы ИРМО вынуждены были приостановить свою восьмилетнюю деятельность, а Омские отмечали лишь годовщину своего существования. Об училищах в этих городах и речи не шло. Чем вызвано столь очевидное отставание от Томского отделения ИРМО других западно-сибирских отделений?

После того, как центр западносибирского генерал-губернаторства переместился из Тобольска в военно-казачий Омск, в этих городах сменились и культурологические акценты. Во второй половине XIX века «высший свет» тобольского общества еще силится не отставать от передовых веяний российской художественной культуры. Но к началу XX столетия он скромно и тихо жил теми радостями, которые теплились в стенах прекрасного здания

местного театра и губернского музея, в очень редких выступлениях заезжих музыкантов (в силу отдаленности от «столовой дороги») и на концертах отделения ИРМО, открытого здесь в 1878 году [1, с. 60]. Из-за частой смены его членов (как правило, в связи с отъездом на другое местожительства), отсутствия настоящих энтузиастов и достаточного количества музыкально образованных людей деятельность этой организации можно оценить как уныло-стабильную (судя по годовым отчетам). Тех, кто составлял ядро Тобольского ИРМО, вполне устраивало такое «вялотекущее» состояние их отделения. Членство в нем придавало ощущение сопричастности к делу, которому покровительствует сам Императорский дом, и прибавляло внешней значимости в глазах окружающих. Все это не лучшим образом отражалось на концертных программах — они из года в год оставались довольно скромными, а сами концерты редкими. Поэтому говорить всерьез о воспитании широкой слушательской аудитории на вечерах классической музыки в Тобольске по большому счету не приходится. Идея о профессиональном музыкальном образовании тут вызревала медленно и реализовалась только через десятилетие после Томского, а через восемь лет после открытия, как было сказано выше, находилось под угрозой закрытия.

В Омском отделении ИРМО наблюдалась почти аналогичная картина (несмотря на выгодное месторасположение и наличие таких музыкантов как А.И. Даньшина, Е.А. Дмитриева-Мамонова и др.). Этот город стал первым среди западносибирских городов, где в 1876 году было открыто отделение Императорского Русского музыкального общества. Но почему-то именно здесь решение главной прописанной в Уставе ИРМО задачи, предполагавшей подготовку музыканта-профессионала, оказалось на последнем месте. В данном случае опять сработал (правда, с точностью до «наоборот») «человеческий фактор». Что же произошло в городе, где было много учебных заведений, где чиновничье-военная прослойка охотно посещала всякого рода культурные мероприятия, концерты местного Музыкального общества и гастролеров, на которые откликалась не только сибирская пресса? Неужели здесь потребность в профессиональной музыкальной школе долгие годы не давала о себе знать? Вряд ли. Тут иное.

До 1898 года в Омске жила и участвовала в деятельности местного отделения ИРМО Елизавета Алексеевна Дмитриева-Мамонова (1847—19..?), некогда активно способствовавшая учреждению отделения ИРМО в Томске и выбранная им в почетные члены (правда, вскоре ее мужа перевели в Тобольск, а затем и в Омск). Частные уроки музыки практиковала в Омске великолепная пианистка, выпускница Петербургской консерватории (класс профессора Т.О. Лешетицкого) Александра Ивановна Даньшина. Имелись крепкие музыкантские силы и в военных заведениях Омска [16]. Тем не менее, несмотря на присутствие в городе таких креативных людей, на реальную возможность изыскать средства на музыкально-образовательное направление деятельности Омского отделения ИРМО,

⁴ Досадно, что в конце XX века в солидном труде «Музыкальная культура Сибири» исследователи Т. Роменская и Б. Селиванов растиражировали историческую неточность, датировав данное событие 1894-м годом [15, с. 391], тогда как Томское отделение ИРМО в это время отмечало уже годовщину своих Музыкальных классов.

«соцзаказ» на создание профессиональной музыкальной школы классического образца в местном обществе все никак не оформлялся.

Суть же дела, скорее всего, заключалась в обычном нежелании конкуренции. Отделение ИРМО создавали музыканты-любители, среди которых наиболее выгодно выделялся штатный преподаватель французского языка Омского кадетского корпуса Лев Станиславович Буланже. Он приехал в Сибирь из Москвы в 1865 году и до конца своих дней (1907) успешно сочетал основную работу с безвозмездным служением на музыкальной ниве. Лев Станиславович и его супруга Мария Федоровна стали почетными членами Омского отделения ИРМО, которое открывали еще в 1876 году [1, с. 59]. Думается, прежде всего, сам Л.С. Буланже не жаждал открытия в этом городе Музыкальных классов при ИРМО. Он, любитель-самоучка, понимал, что, как только это произойдет, в них появятся профессионалы, выпускники столичных консерваторий, которые то и дело искали по стране места своего применения, и тогда его статус «первой скрипки» омского бомонда естественным образом изменится... Кому хочется своими руками разрушать собственное реноме?

Лишь в Томске обстоятельства сложились настолько благоприятно для развития отделения ИРМО, что оно стало самым успешным на территории всей Русской Азии в рассматриваемый период. Каковы же эти обстоятельства? Прежде всего, в томской культурной среде всегда находились активные люди (*носители идеи*, согласно вышеупомянутой триаде), которые на протяжении десятилетий не позволяли отделению дойти до точки невозврата (хотя оно приближалось к ней не единожды); находились энтузиасты, усилиями коих устраивались и проводились публичные концерты из новейших произведений отечественных и зарубежных композиторов, а также подвижники в деле музыкального образования, добившиеся открытия Музыкальных классов Томского отделения ИРМО и преобразования их в Музыкальное училище [17].

Кроме того, с открытием в городе первого в азиатской части Российской империи университета, вопрос о *социальном заказе* на знакомство с серьезной музыкой решился сразу и положительно. Пополнение томского профессорско-преподавательского корпуса и увеличение числа студентов, без сомнения, обеспечивали спрос «на классику», что накрепко упрочило позиции отделения ОИРМО в музыкальном пространстве Томска.

И, наконец, одержимость членов местного Музыкального общества помогала в изыскании *средств* как для открытия и содержания профессионального учебного заведения (наем помещения, закупка нот, оклады педагогов и т. п.), так и для развития концертно-просветительской деятельности (аренда залов, переписка нот, настройка рояля, оплата исполнителям, печатание афиш, программ, анонсов в газетах и т. п.). Благо в городе было достаточно отзывчивых купцов и вполне толерантно настроенных к

музыкальному искусству чиновников (начиная с губернатора).

Теперь, думается, стоит привести конкретные примеры, подтверждающие состоятельность триады *носитель идеи — «соцзаказ» — финансы* относительно Томского отделения ИРМО.

Итак, 16 мая 1878 года Собрание законов Российской империи пополнилось новым государевым повелением — об учреждении Императорского Сибирского университета в Томске. Первыми сюда приехали члены строительного комитета. Среди них — А.И. Дмитриев-Мамонов с супругой Елизаветой Алексеевной. Она сразу окунулась в музыкальную среду города, и при ее активном участии в 1879 году здесь открылось отделение ИРМО [1, с. 64]. Но к началу 1880-х годов уже многие его члены уехали, в том числе и Е.А. Дмитриева-Мамонова. На фоне всероссийской замораживающей политики для многих просветительских обществ наступил тяжелый период. Томское ИРМО тоже переживало не лучшие дни, находясь на грани закрытия. Но этого не случилось благодаря вновь прибывшим энтузиастам. Одним из них стал коммивояжер Андрей Андреевич Ауэрбах, свободное время которому сам губернатор И.И. Красовский посоветовал занять делами местного Музыкального общества [18]. Его процветанию Ауэрбах отдал 15 лет жизни и немало сил. Вместе с другим энтузиастом — Григорием Севериновичем Томашинским (1856—1901), правителем канцелярии попечителя Западно-Сибирского учебного округа — они открыли в 1893 году Музыкальные классы Томского отделения ИРМО. Их единомышленником и верным соратником стала Камилла Ивановна Томашинская (1865—1925, урожд. Савицкая). Она взяла на себя смелость возглавить отделение в тяжелый для него период — с 1886 по 1889 год⁵, а в 1901 году (после смерти мужа) открыла первую Частную музыкальную школу в Томске. Позднее она участвовала в создании 1-го Сибирского Хорового певческого общества, Народной консерватории и в концертах всех просветительских организаций выступала в качестве певицы, пианистки, концертмейстера приезжих музыкантов. Вплоть до 1919 года К.И. Томашинская оставалась ярчайшим явлением томской музыкальной культуры [1].

В Музыкальные классы Томского отделения ИРМО, а после их преобразования в Музыкальное училище (1912) из европейской России приезжали педагоги с дипломами «Свободный художник», получившие в столичных консерваториях классическое музыкальное образование. Многие из них, не выдерживая «сибирской

⁵ Одно дело, когда не соответствующий историческим реалиям факт передается из уст в уста, и совсем иное, если этот факт тиражируется в печатных изданиях. Например, в сборнике статей «Давайте вспомним» (под ред. Н.П. Кириллова. Томск: Изд-во ТГУ. Вып. 2. Томск, 1997. С. 153) автор пишет, что первый ректор Университета Н.А. Гезехус «возглавил местное отделение Русского музыкального общества». На самом деле, он никогда не был председателем Томского отделения ИРМО, а только его директором наряду с другими, входящими в дирекцию Отделения в сезоне 1888/89 годов.

специфики», надолго не задерживались; но были и такие, кто навсегда связал свою жизнь с Томском. Эти музыканты, как и Томашинская, со временем пополнили творческую элиту Томска. Среди них скрипач Яков Соломонович Медлин, пианистки Феофания Николаевна Тютрюмова (187?—1937), открывшая в 1908 году 2-ю Частную музыкальную школу, и Анна Яковлевна Александрова-Левенсон (1854—1930), супруга университетского профессора-фармаколога Н.А. Александра, и др.

Кстати сказать, профессура, преподаватели и студенчество томских вузов (Университета, Технологического и Учительского институтов) играли особую роль в духовной жизни местного социума. Именно они принимали участие в деятельности почти всех просветительских обществ города; они же составляли большую часть слушательской аудитории концертов; порой тот или иной профессор был гарантом благотворительности местных купцов и меценатов. Представители местной разночинной интеллигенции, становясь членами Томского отделения ИРМО [16] и посильно участвуя в его развитии, несомненно, способствовали устойчивой успешности этого социокультурного института.

В заключение стоит еще раз констатировать: в Томском отделении ИРМО безупречно сработала предложенная выше триада *носитель идеи*—*«соцзаказ»*—*финансы*, что позволило ему наиболее ярко проявить себя на фоне остальных зауральских отделений. Вместе с тем все же нельзя умалять и значения последних, так как в целом их деятельность, несмотря на различные оценки, бесспорно, изменяла не только инфраструктуру музыкального пространства Сибири и Дальнего Востока, но и влияла на геополе общественного музыкального сознания этого обширного региона.

Список литературы

1. *Куперт Т.Ю.* Музыкальное прошлое Томска (в письмах к А.Г. Рубинштейну). — Томск, 2006.
2. *Эйльбарт Н.В.* Нерчинские купцы Бутины в воспоминаниях Б. Дыбовского // Ученые записки ЗабГГПУ. — 2012. — № 1.
3. *Леонова Д.М.* Воспоминания // Исторический вестник. — СПб., 1891. — № 1—4.
4. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881—1882 гг.: Из путевого дневника М.Н. Галкина-Враского // Русская старина. — 1901. — № 1.
5. *Новосёлова О.П.* Музыкальная жизнь Восточной Сибири второй половины XIX века в глазах современников. — Иркутск, 2001.
6. Объявления // Сибирь. — 1914. — 28 сент.
7. Разное // Иркутские губернские ведомости. — 1901. — 29 авг.
8. *Харкевич И.Ю.* Музыкальная культура Иркутска. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987.
9. *Кривошея Б.Г., Лаврушева Э.М.* Музыкальная жизнь Красноярска. — Красноярск, 1983.
10. *Матвейчук В.П.* Военные оркестры на Тихоокеанском флоте и развитие музыкальной культуры Дальнего Востока (1860—1990): дис. ... канд. искусствоведения. — М., 1996.
11. *Дьябелло Л.А.* Фортепианная культура Сибири и Дальнего Востока: дис. ... канд. искусствоведения. — Л., 1989.
12. *Королёва В.А.* Музыкальная культура юга Дальнего Востока России. 1917—1929: дис. ... канд. ист. наук. — Владивосток, 1996.
13. *Марчишина Т.В.* История профессионального музыкального образования на юге Дальнего Востока России (1880—1970 гг.): дис. ... канд. искусствоведения. — Владивосток, 2004.
14. Хроника // Сибирский вестник. — 1893. — 10 февр.
15. Музыкальная культура Сибири: в 3 т. Т. 2, кн. 2: Музыкальная культура Сибири второй половины XIX — начала XX века. — Новосибирск, 1997.
16. *Белокрыс М.А.* Музыкальная элита старого Омска: исторический очерк (XVIII — начало XX веков). — Омск, 2009.
17. Отчеты Томского отделения ИРМО за 1879—1917 годы. — Томск: Тип. «Макушин и Михайлов», 1879—1917.
18. *Ауэрбах А.А.* Воспоминания // Исторический вестник. — 1905. — № 8—12.
19. *Зима Т.Ю.* Вклад томской профессуры в развитие музыкальной культуры города в к. XIX — нач. XX в. // Вестник Томск. гос. ун-та. — Томск, 2013. — № 5 (25).